

Русская литература поднялась до явления совершенно уникального.

Василий Розанов

Издательство

«Школьная Пресса»

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1993 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

А.П. Фурсов, поэт,

член Союза писателей России

Chief editor

A.P. Fursov, the poet,

member of Union of writers of Russia

Редакционная коллегия

The editorial board

О.М. Александрова, кандидат педагогических наук, заведующая Центром филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

O.M. Alexandrova, candidate of pedagogical sciences, head of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

Н.В. Беляева, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

N.V. Belyaeva, doctor of pedagogical sciences, leading researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

И.П. Васильевых, научный сотрудник Центра филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

Vasilievich I.P., researcher at the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

В.А. Воронаев, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии Научного совета РАН

«История мировой культуры» (Москва)

V.A. Voropaev, doctor of philological sciences, Professor of Moscow state University named after M.V. Lomonosov, the Chairman of the Gogol Commission Scientific Council «History of world culture» of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Ю.Н. Гостева, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

J.N. Gosteva, the candidate of pedagogical sciences, senior researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

Русская словесность

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

5/2019

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

Федор Тютчев (1803–1873)

Специальный номер

«Русская литература и философия:

пути взаимодействия»,

подготовленный совместно с Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН и Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»

О специальном номере «Русская литература и философия: пути взаимодействия» 3

БОЖЕСТВЕННОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Татьяна Касаткина

Филологические практики в философском осмыслении: Комментарий в целом культуры 5

МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анастасия Гачева

Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев: диалог о христианстве, человеке, истории 12

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Юлия Анохина

Вода и влага в книге стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как важнейшие метафизические мотивы 24

ГЛУБОКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Елена Тахо-Годи

А.Ф. Лосев о диалектике тютчевского бытия 32

ХРЕСТОМАТИЯ

Алексей Лосев

Тютчев

Научная публикация текста Е.А. Тахо-Годи.

Публикуется впервые..... 40

ТОРЖЕСТВО СОЗВУЧИЙ

Ольга Шалыгина

«...Мой товарищ Протасов»

(о метасюжете русской литературы)..... 48

ИЗ МЕТОДИЧЕСКОЙ КОПИЛКИ

Светлана Серегина

«Душа грустит о небесах...»: философическая грусть

в лирике С.А. Есенина 57

ЛЕКЦИОННЫЙ ЗАЛ

Антон Филатов

Философско-эстетические принципы мифотворчества

С.М. Городецкого..... 62

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕДМЕТЫ ВУЗОВСКОГО ЦИКЛА: ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Наталья Михаленко

Философия искусства А.В. Чаянова-прозаика..... 74

Содержание (*раздел-журнал*)

«Русский язык и литература для школьников» № 5, 2019 81

Содержание электронного периодического издания

«Русская словесность» № 5, 2019 112

Адрес издательства и редакции

127254, г. Москва, а/я 62

Тел.: 8 (495) 619-52-87, 619-83-80

E-mail: aleksandr.fursoff2014@yandex.ru

Журнал зарегистрирован МПТР России,

свид. о рег. ПИ № ФС 77-33042

от 04.09.08 г.

Формат 84×108/16. Усл.-печ. л. 7,25

Изд. № 3362. Заказ

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,

428019, г. Чебоксары,

пр. И. Яковлева, д. 13

© ООО «Школьная Пресса», 2019

© «Русская словесность», 2019

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ в перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования.

Журнал «Русская словесность» включен в международные базы цитирования Web of Science, Scopus, Web of Knowledge, Astrophysics, PubMed, Mathematics, Chemical Abstracts, Springer, Agris.

И.Н. Добротина, научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования

«Институт стратегии развития образования РАО» (Москва)

I.N. Dobrotina, researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

О.В. Зырянов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

O. V. Zyryanov, doctor of Philology, Professor, head of chair of Russian literature of the Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Н.В. Корниенко, член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, заведующая отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва)

N.V. Kornienko, a member-correspondent of the Russian Academy of Sciences, doctor of philological Sciences, head of Department of modern Russian literature and literature of Russian abroad of the Institute of world literature named after A.M. Gorky Russian Academy of Sciences (Moscow)

В.В. Лепакхин, доктор филологических наук, профессор Сегедского университета (г. Сегед, Венгрия)

V.V. Lepakhin, Doctor of Philology, Professor of Seged University (Seged, Hungary)

В.М. Улитин, поэт, прозаик, член Союза писателей России (Владимир)

V.M. Ulitin, poet, prose writer, member of writers Union of Russia (Vladimir)

И.В. Ускова, научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования «Институт стратегии развития образования РАО», г. Видное, Московская область

I.V. Uskova, researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Vidnoe, Moscow region)

Редактор К.А. Фурсов

Editor K.A. Fursov

Номер выходит с разделом —

«Русский язык и литература

для школьников» № 5, 2019

и приложением — электронным

периодическим изданием

«Русская словесность» № 5, 2019

В номере в качестве заставок

использованы обложки

редких книг, раритетные

картины, кадры из забытых

фильмов, иллюстрации

к произведениям русских писате-

лей, поэтов и философов

Издание охраняется Законом РФ об авторском праве.

Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, как на бумажном носителе, так и в виде ксерокопирования, сканирования, записи в память ЭВМ, и размещение в Интернете запрещается.

Любовь Полищук
в фильме «Христиане»
по рассказу Л. Андреева (1987)



Ольга Шалыгина*

«...Мой товарищ Протасов» (о метасюжете русской литературы)**

Ключевые слова: русская литература, интертекстуальные связи, сюжет, тема литературная, метасюжет, протогерой

Keywords: intertextual relations, the plot, the theme, the metaplot, Leonid Andreev, Leo Tolstoy, Maxim Gorky

В статье рассматривается вопрос истории создания рассказа Леонида Андреева «Христиане», анализируются интертекстуальные связи рассказа с произведениями Льва Толстого, Максима Горького, Акима Волынского. При соотнесении эмпирического литературного материала с метасюжетом русской литературы открываются новые теоретические возможности описания телеологии русской литературы, в том числе диегетического вектора развития литературы.

The article deals with the history of the story of Leonid Andreev *Hristiane* [Christians], analyzes the intertextual relationship of the story with the works of Leo Tolstoy, Maxim Gorky, Akim Volynsky. In the correlation of the empirical literature with the metaplot of Russian literature is opened a new theoretical possibility of the description of the teleology of Russian literature, including Diegesis vector of development literature.

И снова заворчал:

— Андреев ваш — тоже атеистов стыдится,
а тоже в бога верит, и бог ему — страшен.
А.М. Горький «Л.Н. Толстой» [12, 482]

Рассказ «Христиане» был написан Л. Андреевым в сентябре 1905 г. в течение 10 дней. Первый черновой автограф датирован 1 сентября, окончательная редакция — 10 сентября. В качестве протосюжета рассказа исследователи указывают на судебные очерки и репортажи 1902–05 гг. По мнению Л.И. Иезуитовой, «три репортажа были предысторией “Христиан”» — это «Московские трущобы», «Грабеж с насилием», «Редкий случай» [15, 196].

Из воспоминаний С.Я. Елпатьевского известно также о разговоре между ним, А.М. Горьким и Л. Андреевым: «Не помню, по какому случаю за обедом зашел разговор о литературном творчестве, о писательских темах. Я сказал, что жизнь часто создает свои повести и романы интереснее писательских, а в подтверждение вынул из кармана вырезку из «Русских ведомостей», где репортер сообщал, что во время какого-то судебного дела одна из свидетельниц отказалась принять присягу, заявив, что

* Доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX — нач. XX в. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва.

**Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

она проститутка, не чистая, и потому недостойна целовать крест и Евангелие» [13, 281].

Однако стоит обратить внимание на два важных обстоятельства: первое — разговор о литературных темах состоялся в присутствии Горького, второе — Андреев намеренно говорил с Елпатьевским наедине: «После обеда мы играли в крокет. В перерыве Леонид Николаевич отозвал меня в сторону и убедительно, с особой настойчивостью стал просить меня уступить ему эту тему.

Я чувствовал, что эта тема захватила его, знал, что здесь он будет в своей стихии, и отдал ему газетную вырезку. Так появилась его «Христианка» (там же). Отметим важную ошибку в названии рассказа Леонида Андреева «Христиане».

Эта как будто незаметная «ошибка» актуализирует один очень важный публицистический контекст рассказа — название статьи Акима Волынского «Они — христиане (письмо в редакцию)», которая сначала была опубликована в газете «С.-Петербургские ведомости» (1900, № 60, март), затем в составе книги «Царство Карамазовых. Лесков. Заметки» (СПб., 1901).

Знаменитый в конце XIX — начала XX в. литературный критик, бывший редактор журнала «Северный вестник» Аким Волынский писал: «Разделение современного европейского общества на христиан и не-христиан, — писал Аким Волынский, — в данном случае — на христиан и евреев, лишено живого внутреннего смысла и основано на огромной исторической нелепости. Эта историческая нелепость, это нежелание понять, что еврейство, давшее Иуду, дало и Христа — величайшую идею богочеловечества в живом воплощении — все это и породило кошмарную ненависть к целому народу. Забыли, что всякая душа — душа отдельного человека и душа народа — имеет в себе неизбежное противоположение земных и идеальных склонностей, составляющее трагедию ее внутреннего существования» [9, 464].

И для Акима Волынского, и для Леонида Андреева, и для Сергея Елпатьевского, получивших юридическое образование, несомненно, актуальным контекстом было знаменитое изречение «*Anima naturaliter christiana*» («Душа по природе христианка») из сочинения Тертуллиана



И.Е. Репин. Портрет Леонида Андреева.
Третьяковская галерея

на «О свидетельстве души», где в 1-м параграфе сочинения изложено то «зерно» сюжета андреевского рассказа, что может называться «литературной темой»: «Я прибегаю к новому свидетельству, — пишет Тертуллиан во II в. н.э., — которое, впрочем, известнее всех сочинений, действеннее любого учения, доступнее любого издания; оно больше, чем весь человек, — хотя оно и составляет всего человека. Откройся нам, душа! <...> Я взываю к тебе, — но не к той, что изрыгает мудрость, воспитавшись в школах, изощрившись в библиотеках, напитавшись в академиях и аттических портиках. Я обращаюсь к тебе — простой, необразованной, грубой и невоспитанной, какова ты у людей, которые лишь тебя одну и имеют, к той, какова ты на улицах, на площадях и в мастерских ткачей. Мне нужна твоя неискушенность, ибо твоему ничтожному знанию никто не верит. Я прошу у тебя то, что ты привносишь в человека, то, что ты научилась чувствовать или от себя самой, или с помощью творца твоего, каков бы он ни был. Ты, сколько я знаю, не христианка: ведь душа обыкновенно становится христианкой, а не рождается ею. Но теперь христиане требуют свидетельства



Сергей Яковлевич Елпатьевский

от тебя, чужой, против твоих же, — чтобы они постыдились хоть тебя, ибо они ненавидят и высмеивают нас за то, в знании чего они сейчас уличают тебя» [18, 192].

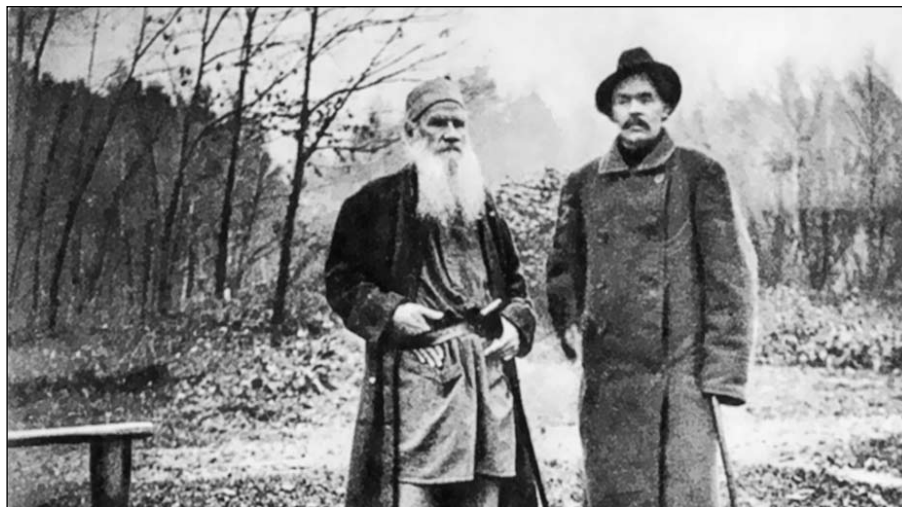
В рассказе Леонида Андреева единственной христианкой оказывается именно такая униженная душа, против которой свидетельствуют «христиане» в ходе судебного процесса над проституткой, отказавшейся под присягой подтвердить, что она — христианка. С.Я. Елпатьевскому, который к приезду гостей заготовил вырезку из «Русских ведомостей» и положил ее в карман, по всей видимости, было известно, что для Андреева и Горького разговор об авторстве «литературной темы» будет особенно болезненным после их несостоявшегося проекта совместного писания пьесы «Астроном».

История эта описана в комментариях к переписке Горького и Андреева. 8–9 мая 1902 г. Горький сообщал Пятницкому: «Читаю Клейна — прекрасная книга!» На следующий день Горький в письме Андрееву дарит ему Хеопсову пирамиду: «Носи ее вместо шляпы». Комментарий переписки писателей А.В. Чуваков считал,

что речь идет о книге немецкого астронома и популяризатора Германа Клейна «Астрономические вечера», которой Горький в это время увлекался, именно в ней на третьей странице было воспроизведено изображение древней египетской пирамиды [13, 148]. В конце октября 1903-го, сообщая Пятницкому о планах писать совместно с Андреевым пьесу «Астроном», Горький возвращается к книге Клейна: «Леонид вдохновился Клейном и хочет изображать человека, живущего жизнью всей вселенной среди нищенски серой обыденщины. За это его треснут в 4-м акте телескопом по башке» [11, 254].

Активная переписка весны 1904 г. по поводу «Астронома» содержит уже элементы соперничества и торга по поводу «уступки темы». Андреев уехал в Ялту 18 марта, а уже 30-го Горький пишет ему вслед: «Ну, а живу я все так же. Пьесу кончил. Вышло очень скучно и плоско. Вот уже три плохие пьесы написал я, а ты все еще ни одной. Товарищ, тоже!» [13, 206]. В конце апреля он пишет Андрееву об окончании пьесы «Дачники»: «Ну, а я написал пьесу. Вышло — жидко, плоско, разговорно и злободневно — очень скверно! Но — духом не падаю! Начинаю вторую. А если ты уступишь мне тему «Астронома» — напишу третью. Уступи? Очень хорошо складывается: астроном, учитель, ветеринарный врач. Жена астронома, сестра учителя, мать врача. Кузнец, который должен убить астронома, юродивый, веселый маляр-скептик, купец, желающий порядка и гармонии, и — толпа. Уступи?» [13, 210].

Замысел новой пьесы, получившей впоследствии название «Дети солнца», по-видимому, уже полностью сформировался, и Горький хотел писать ее сам. Однако Андреев, продолжая обдумывать пьесу, тянул время и держался прежних договоренностей: «Об астрономе я сам много думал и уступить ни даже за полтинник не уступлю. Вместе давай писать. Понимаешь: эти болваны убивают астронома в момент затмения солнца, думают, что он солнце погасил — и вдруг солнце-то и вылезает! И спрашивает: вы, что же это, сукины дети, сделали? Занавес и крики: автора, автора! Автор выходит, ловко отмахивается от десятка тухлых яиц, утирает лицо, орошенное соком гнилых апельсинов, и кланяется, чтобы пропустить летящий сапог



Л. Толстой и М. Горький

[13, 212]. Рудимент первоначального совместного замысла можно наблюдать у Горького. В пьесе «Дети солнца» главного героя, химика Протасова, берет за шиворот слесарь Егор, который сделал ему реторту — «маленькую жаровню... с крышкой... такая конусообразная крышка, а в вершине ее — круглое отверстие, выходящее трубой...» [10, 299].

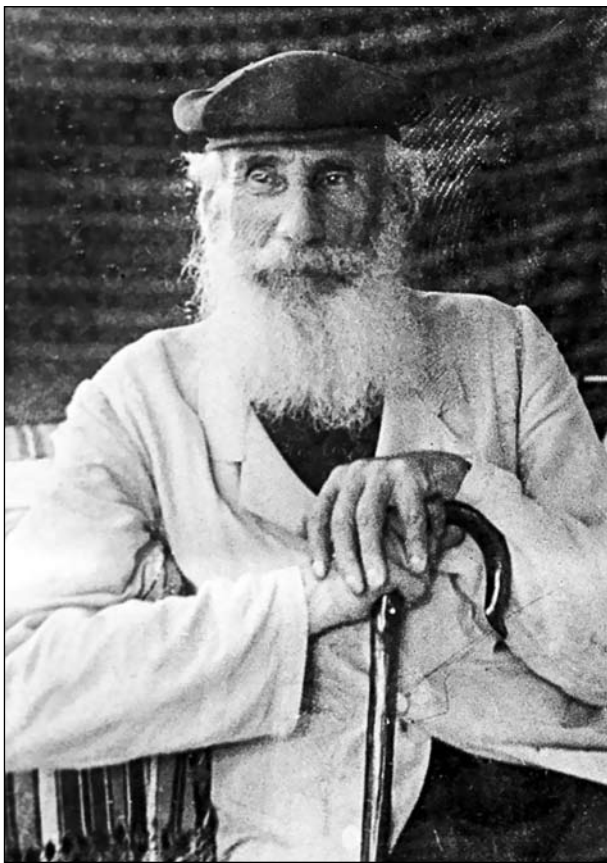
Поменяв Астронома на Химика, Горький связал сюжет «детей солнца» Клейна с сюжетом создания гомункулуса — алхимического человека, или человека реторты, вместо головы у которого солнце. В начале 1905 г. сначала арестовали Горького, затем Андреева. Горький в тюрьме написал свою пьесу «Дети солнца» и сразу по выходу отдал ее Станиславскому для постановки, а в августе 1905 г. во МХАТе уже всю шли репетиции новой пьесы Горького.

Рассказ «Христиане» был написан в первой декаде сентября, а во второй Андреевым тоже за 10 дней был создан Черновой автограф пьесы «К звездам», близкий к окончательному тексту пьесы [2, 691]. Примечательно, что именно тема «маленького человека» в рамках истории советской литературы была осознана как подлинная причина расхождения путей между Горьким и Леонидом Андреевым.

Б.А. Бялик отмечал, что в «идейно-творческом споре между Горьким и Леонидом Андреевым сыграло важную роль различие их отношений к теме “маленького человека”. В

литературе XIX столетия эта тема, начиная с пушкинского “Станционного смотрителя” и гоголевской “Шинели”, несла в себе глубоко гуманистическое содержание. Сохранила ли она его в XX веке, начавшемся мощным революционным подъемом в России, превращавшем тысячи и тысячи маленьких, нуждавшихся лишь в сострадании, неспособных бороться людей в людей-борцов, приобретающих право называться Человеком с большой буквы?» [8, 156]. По мнению ученого, «В противовес Андрееву, поэтизовавшему в своих ранних рассказах “маленького человека”, Горький считал, что эта тема начинает утрачивать свой гуманистический смысл. <...>

Пассивный гуманизм, противоположный идее революционной борьбы, мог привести в условиях новой эпохи к идее бессилия человека перед хаосом, к идее бессмысленности и бесцельности человеческой жизни. Андреев не знал, что это настроение, выразившееся уже в пьесе “К звездам” и гораздо сильнее — в его более поздних произведениях, навсегда оторвет его не только от самого близкого друга в литературе — Горького, но и от всей прогрессивной литературы, от всего прогрессивного лагеря, что оно совсем оторвет его от родной страны и обречет в последние дни, в последние часы жизни с тоской смотреть не в телескоп на звезды, как смотрел герой его пьесы, а в бинокль на виднеющуюся за Финским заливом полосу русской земли, такой близкой, но ставшей не-



Василий Васильевич
Берви-Флеровский

доступнее звезд...» [8, 157]. Поразительно, как точно Б.А. Бялик выделил главное противоречие конфликта Горького и Л. Андреева и обозначил его связь с сюжетом «ухода», в данном случае ухода Л. Андреева из жизни.

Рассказ «Христиане», на первый взгляд, никак не связан с историей совместного писания пьесы с Горьким. Однако, как «черт из табакерки», в финале рассказа выскакивает «товарищ Протасов» (по совершенной случайности, однофамилец главного героя горьковской драмы «Дети солнца»), который, по показаниям обвиняемого, три раза оплачивал их кутежи «в означенном публичном доме» [2, 116]. «Черт из табакерки» получился настоящий: в черновых автографах рассказа этого персонажа нет. В концовке рассказа эта фамилия появляется вместо какой-то другой, густо зачеркнутой. Под зачеркнутым в рукописях Андреева иногда можно читать. Поэтому при подготовке текстов редакций и вариантов Полного собрания со-

чинений Леонида Андреева принято указывать сомнения исследователей при невозможности однозначного прочтения. В тексте Чернового автографа 2 (ЧА2), вероятно, было: «Нароков <?>» [2, 391], что означает невозможность точного распознавания текста. Вопрос: откуда же здесь взялся Протасов? Кто он такой? Герой, оплачивающий кутежи в публичном доме: «21 декабря, 7 января, 26 того же января и 1-го февраля, и три раза деньги платил за меня мой товарищ Протасов» [2, 116]. Кто этот Протасов из андреевского рассказа? Травести их общего с Горьким героя — Астронома, в пьесе Горького «Дети солнца» по фамилии Протасов?

Мог ли Андреев таким образом указывать на Федора Протасова — героя неопубликованной тогда драмы Льва Толстого «Живой труп»? Это вопрос довольно щекотливый. Андреев с благоговением относился к писательскому гению и личности Толстого: «Выше Толстого я никого не знаю, каждое его произведение считаю образцом искусства и мерилom художественности», — писал он [1, 141]. «Трогательны были эти робость, сдержанность, благоговейное внимание Леонида Андреева в общении с Л.Н. Толстым. Я уже наслышан был о нем, — вспоминал секретарь Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаков о встрече двух писателей в апреле 1910 г., — как о человеке гордом и самолюбивом, и ничего-то, ничего от этих гордости и самолюбия не осталось в Ясной Поляне. И это в моих глазах, говорит больше всего за Леонида Андреева, за высоту и благородство его духа. Он знал, с кем говорил, и держался по отношению ко Льву Николаевичу подлинно как сын к отцу. И вот это-то и есть лучшее доказательство того, что они были *одно-го духа*» [7, 230].

Андреев всегда испытывал к Толстому это трепетное чувство, так что совершенно немыслимо было для него поставить в глупое положение героя неопубликованного на тот момент произведения великого писателя. С Толстым более тесно общался Горький, хотя достоверных фактов о непосредственном знакомстве его с текстом пьесы «Живой труп» нет. Есть только совпадения, на которые можно указать. Так, в хронологии Толстого за 16 января 1900 г. значится два события: «Посещение Т. Горьким. Писание драмы *Живой труп*» [4, 24]. Говорил ли о своем замысле Толстой Горькому, неизвест-

но. В октябре 1900 г. слух о создании Толстым новой пьесы «Живой труп» проник в печать, и к Толстому стали обращаться журналисты и театральные деятели с просьбами о напечатании и постановке пьесы.

С.Д. Балухатый и В.С. Мишин в «Истории писания и печатания» указывают на то, что, считая свою драму далеко не оконченной, Толстой отвечал на эти предложения решительным отказом» [3, 543–552]. Горькому, по всей видимости, было известно, что толстовский «Живой труп» в ближайшие годы в печати не появится, так как Толстой многократно объявлял о своем решении бросить писать «Труп» (Там же). Горький, называя главного героя своей пьесы «Дети солнца» Павлом Федоровичем Протасовым, сам устанавливает родовые отношения этого героя с толстовским Федором Протасовым.

Однако, кроме догадок о возможных совпадениях имени героев, в истории взаимоотношений Толстого и Горького есть эпизод, который позволяет говорить об общем протогорое их произведений. В воспоминаниях Горького содержится краткий, но очень живописный сюжет из его путешествий: «Однажды, рассказывая ему <Толстому> о Тифлисе, я упомянул имя В.В. Флеровского-Берви.

— Вы знали его? — оживленно спросил Лев Николаевич. — Расскажите, какой он.

Я стал рассказывать о том, как Флеровский — высокий, длиннорылый, худой, с огромными глазами, — надев длинный парусиновый хитон, привязав к поясу узелок риса, варенного в красном вине, вооруженный огромным холщовым зонтом, бродил со мной по горным тропинкам Закавказья, как однажды на узкой тропе встретился нам буйвол и мы благоразумно ретировались от него, угрожая недоброму животному раскрытым зонтом, пятясь задом и рискуя свалиться в пропасть» [12, 500]. У Горького этот жест В. Берви, выставившего зонтик против буйвола и, кстати, спасшего самого рассказчика, представлен в пьесе «Дети солнца» как фарсовая сценка, характеризующая полную беспомощность его героя:

«...Выскакивает Протасов, на него лезет человек десять каких-то людей, он отмахивается от них шляпой и носовым платком. Это их забавляет, и некоторые из них — смеются.)



Толстой и Леонид Андреев. Фото В. Ф. Булгакова.
22 апреля 1910 г. Ясная Поляна.
Институт русской литературы (Пушкинский дом)
РАН

Протасов. Вы — ослы! Идиоты... прочь!
Первый (из толпы). Ты меня платочком по морде...

Второй. Барин! Дай ему шляпой еще...»

[10, 384].

Б. Эйхенбаум считал, что «Слушая рассказ Горького, он <Толстой> прослезился, вероятно не только потому, что услышал о хорошем человеке. Он не рассказал Горькому, что знал этого человека еще в Казани. <...> Жизнь и личность Берви-Флеровского была для него болезненным соблазном и укором. Образ этого вольного скитальца, не связанного ни семьей, ни имуществом, не имеющего никакой собственности, кроме холщового зонтика и узелка с рисом, человека, которого никто не смеет упрекнуть в том, что он проповедует одно, а делает другое, — этот образ давно преследовал и воображение, и совесть Толстого, а в последние годы был постоянным предметом его дум и волнений. Он мечтал об «уходе» — и не только от семьи, но от всего своего прошлого,



Л. Андреев и М. Горький.

от истории, от власти над людьми. Недаром так увлекла его легенда об Александре I, бытовым вариантом которой явилась драма «Живой труп» [22, 230–231].

Итак, в центре нашего внимания оказывается герой — носитель нравственной максимы — «социального стыда», радикально проведенной в жизни Берви-Флеровским и литературными героями Толстого, Горького, Андреева. Объединяет их образ «протогероя» Берви и соответствующая ему сюжетная «аввакумовская» функция — способность сказать «нет» миру в утверждении личного нравственного чувства, несмотря ни на что: ни на позор, ни на «выброшенность» из жизни и даже смерть. Стыд внутренний оказывается сильнее стыда внешнего, стыда от людей — стыда разоблачения, позора, осмеяния.

На материале древнерусской литературы как истока русской беллетристики были выделены два основных типа сюжета: «“Подсказывая” читателю, — писал Я.С. Лурье, — свою “концепцию действительности”, писатель может предлагать ему однозначное решение сюжетной коллизии, выражая — через сюжет и особенно через его развязку — свою нравственную позицию в поставленных им вопросах. Это телеологический, целенаправленный сюжет. Другой тип сюжета — амбивалентный, многозначный, допускающий разное понимание и разную оценку созданной автором коллизии» [16, 570]. Роман «Воскресение» приводится им в качестве примера реализации такого «телеологического» сюжета в литературе нового времени [16, 23].

С.Г. Бочаров, осмысляя особенность функционирования сюжета в русской литературе XIX в., рассматривает литературу как общее пространство, где «произведения-монады оказываются не без окон и дверей» [6, 8]. Он считает, что они «не одиноки, но непрерывно вступают друг с другом в контакт, иногда их авторами предусмотренный, но чаще непредусмотренный; эти их контакты и отношения и образуют сюжеты, развивающиеся в пространстве целой литературы» (там же).

Такой подход позволил ему ввести категорию «метасюжета» для описания литературного процесса. «Достоевский, — считает Бочаров, — сквозь избранные произведения Пушкина и Гоголя и собственный первый роман — и поверх этих произведений — сознательно и активно построил мета-сюжет большой русской литературы и создал ее порождающий миф. И этим метасюжетом он оформил путь русской литературы как ее телеологию» (там же). Таким порождающим мифом для русской литературы оказывается миф о грехопадении. Само событие чтение гоголевской «Шинели» трактуется Бочаровым как провал в «бездну», утрата райско-гармоничного чувства пушкинской теплоты и тесноты мира.

Гоголь *выбрасывает* своего читателя на *холод, в ледяные пространства*, открывает ему глаза на его положение между людьми, обнажает истину: «*метафора “обнажения”*», возникает в связи с мотивом стыда как главного его самочувствия в мире. У бедного человека, пишет он Вареньке, «тот же самый стыд, как и у вас, примером сказать, девический. Ведь вы перед всеми — грубое-то словцо мое простите — разоблачаться не станете...» [6, 124–125].

В состав метасюжета русской литературы Бочаров включает такие категории, как «холод», «стыд» и «свобода». Для разъяснения этого феномена привлекает обширную религиозно-философскую традицию от Покаянного канона св. Андрея Критского с анализом понятия «кожаных риз» [6, 129]; вертикали человека по Беме [6, 134]; философии стыда как одного из трех источников нравственности у Владимира Соловьева [6, 125] и П. Флоренского [6: 128, 136]: «Если снять с себя одежду, то и телесное и духовное состояние будет требовать покрытия наготы: телу будет стыдно, а душе — стыдно» [21, 704].

Если первый круг выделенного Бочаровым «метасюжета» русской литературы был связан с именем Девушкина и «девичьего» стыда русской литературы, то второй круг можно обозначить именем Протасова и *прото-стыда* искусства, стыда «*диегетического*», связанного с отказом от подражания вообще и отказом от искусства как притворства и лжи. «Писать я положительно не имею возможности, — вспоминал о своем литературном дебюте Берви (повести “В глуши”, напечатанной в “Современнике”, 1856, № 6): так писать, как они хотят, я не могу, а если я пытаюсь так писать, как по моему убеждению надобно, я не нахожу органа, я диссонанс в их гармонии. Я могу только помогать делом, насколько это зависит от моих сил <...>»¹.

Это отсутствие «органа» для подражания, отступление от литературы в диегезис (в «стыд, холод, свободу») и прямой выход за пределы искусства в жизнь оформилось уже в пределах функционирующего на тот момент в русской литературе метасюжета Пушкина — Гоголя — Достоевского. По свидетельству современников, в демократических кругах «особенно подчеркивалась художественная форма изложения, как особенно желательная, ибо правдивыми красочными картинками, как у Флеровского, реальное положение народа, выраженное цифровым языком, перевоплощается в чувственно-конкретные, глубоко запечатлевающиеся в душу впечатления» [17, 259–260]. Замечание это чрезвычайно важное, так как именно граница «вымышленного» // «невымышленного» отличает «поэзис» и «диегезис». Между этими оппозициями начинает вибрировать Толстой в «Воскресенье», они готовят тему Протасова в «Живом трупе» и уход Толстого из Ясной Поляны.

Образ «протогероя» Берви Флеровского в романе «Воскресенье» у Толстого разлагается на части в соответствии с различными литературными функциями персонажа: это и «герой-протагонист» Нехлюдов, целью пути которого становится рождение в себе «духовного человека», и «лжегерой» — герой-ригорист Симонсон², носитель социальной утопической идеи

¹ [Б.а.] «На жизнь и смерть. Изображение идеалистов. Роман в трех частях» / [Берви-Флеровский]. Genève — Bâle — Lyon, 1877, ч. I, с. 106–109. Цит. по: [22, 263].

² Подробнее см: Биличенко Н. А. [5].



Николай Пастухов в фильме «Христиане» по рассказу Л. Андреева (1987)

Берви-Флеровского, и антигерой Бреше, напоминающий о Берви лишь по звучанию, — товарищ прокурора, который «должен был обвинять в этом заседании», но не успел прочитать дела Масловой.

Драма, в отличие от романа, позволяет Толстому объединить все три ипостаси «протогероя» в образе одного Федора Протасова. Мотивы, ведущие к гибели героя, связаны с категорией стыда, возникновение которой никак не мотивировано: «Вот уж десять лет я живу своей беспутной жизнью. И в первый раз такой человек, как вы, пожалел меня. Меня жалели товарищи, кутилы, женщины, но разумный, добрый человек, как вы... Спасибо вам. Как я дошел до своей гибели? Во-первых, вино. Вино ведь не то что вкусно. А что я ни делаю, я всегда чувствую, что не то, что надо, и мне стыдно. Я сейчас говорю с вами, и мне стыдно. А уж быть предводителем, сидеть в банке — так стыдно, так стыдно... И только, когда выпьешь, перестанет быть стыдно. А музыка, — не оперы и Бетховен, а цыгане... Это такая жизнь, энергия вливается в тебя. А тут еще милые черные глаза и улыбка. И чем это увлекательнее, тем после еще стыднее» [20].

Понятие «протогероя» мы используем для актуализации сюжетной функции героя. Говоря о «прототипе», обычно имеют в виду конкретную историческую или современную автору личность, послужившую ему отправным моментом для создания художественного образа. На такой прототип толстовского Про-

тасова указывал Н.Н. Гусев, анализируя рукописи неоконченных пьес Л. Толстого «Дворянское семейство» и «Практический человек». Обе комедии, по его мнению, представляют собою два варианта одного и того же сюжета. В фигуре младшего сына хозяина, двадцатилетнего юноши Валентина, который, не окончив курса в университете, проводит время в чтении философских сочинений, и за неимением более подходящих собеседников рассуждает о философии с местным попом, ищет забвения в вине и в пьяном виде «говорит всем правду», исследователь отмечает черты недавно скончавшегося по отношению ко времени работы над пьесами брата Л. Толстого — Дмитрия: «та же неприспособленность к жизни, те же искания, то же стремление к жизни разумной и нравственной и та же полнейшая неспособность осуществить эти стремления на практике» [14, 67]. По воспоминаниям сына Толстого — Льва Львовича, «в “Живом Трупe” Лев Николаевич, может быть, оставил больше, чем во всех других своих сочинениях, своей души и своего сердца. Эта пьеса для людей, близких Толстому, самое субъективное его произведение» [19, 66].

Таким образом, при соотнесении эмпирического литературного материала с метасюжетом русской литературы на базе порождающего мифа о грехопадении (Пушкин — Гоголь — Достоевский) открываются новые теоретические возможности описания телеологии русской литературы (второго круга метасюжета: Толстой — Горький — Андреев), в том числе диегетического вектора развития литературы.

Литература

1. Андреев Л.Н. Повести и рассказы: в 2 т., т. 2. — М.: Худож. лит., 1971.
2. Андреев Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. — М.: Наука, 2007. Т. 4: Худож. произвед. 1904–1905. — 2017.
3. Балухатый С.Д., Мишин В.С. Живой труп. История писания и печатания // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1964. — Т. 1–90. Т. 34, 1952. — С. 543–552.
4. Балухатый С.Д., Писемская О.А. Справочник по Толстому: даты жизни и творчества, хронология и систематика сочинений, библиография. — М.; Л., 1928.

5. Биличенко Н.А. Образ Симонсона в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» (к вопросу о прототипе) // Русская литература. — 1972. — № 4. — С. 161–165.

6. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. — М.: Языки русской культуры, 1999.

7. Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь // Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: Воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. — М.: Кучково поле, 2012. — С. 35–706.

8. Бялик Б.А. Судьба Максима Горького. — М.: Худож. лит., 1968.

9. Вольнский А. Они — христиане // Вольнский А.Л. Царство Карамзых. Н.С. Лесков. Заметки. — С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. — С. 464–465.

10. Горький Максим. Полн. собр. соч.: худож. произв.: в 25 т. — М.: Наука, 1968. — Т. 7: Пьесы, драматические наброски. 1897–1906. — 1970.

11. Горький Максим. Полн. собр. соч.: худож. произв.: в 25 т. — М.: Наука, 1968. Письма. — Т. 3: Письма, 1902–ноябрь 1903. — 1997.

12. Горький М. Лев Толстой // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т., т. 2. — М.: Худож. лит., 1978. — С. 461–506.

13. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. Литературное наследство. — Т. 72. — М.: Наука, 1965.

14. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. — М.: Изд-во АН СССР, 1957.

15. Иезуитова Л.А. Рассказ Леонида Андреева «Христиане»: репортаж? — пародия? — притча? // Леонид Андреев: Материалы и исследования. — М.: Наследие, 2000. — С. 195–228.

16. Истоки русской беллетристики. — Л.: Наука, 1979. — С. 562–574.

17. Каминский В.И. В.В. Берви-Флеровский в русском литературном движении 70–80-х годов // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. — Л.: Наука, 1959. — С. 256–265.

18. Творения Тертуллиана Христианского писателя в конце второго и в начале третьего века. Пер. Е. Карнеева. Часть первая. Изд-е. второе. — Санкт-Петербург, 1849.

19. Толстой Л. Л. В Ясной Поляне: Правда об отце и его жизни. — Прага: Пламя, 1923

20. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1964. — Т. 1–90. Т. 34. — 952. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1270.shtml. [Дата доступа: 02.06.2019]

21. Флоренский Павел, свящ. Столп и утверждение Истины. — М., 1914.

22. Эйхенбаум Б. Толстой после «Войны и мира»: (1870–1874) // Л.Н. Толстой. — М.: Изд-во АН СССР, 1939. — Кн. I. — С. 221–264. — (Лит. наследство; Т. 35/36).